

ОБ ИДЕЙНЫХ ПРИЧИНАХ РАСКОЛА ЧЕРНОСОТЕННОГО ЛАГЕРЯ

Рассмотрены вопросы, связанные с идейными причинами раскола черносотенного лагеря в России в начале XX века. Доказывается, что одной из причин раскола крайне правого движения на «обновленцев» и «дубровинцев» стала противоречивость его самодержавной концепции, явившаяся результатом сильного влияния философии славянофильства.

Ключевые слова: черная сотня, крайне правая идеология, Русская православная монархия, самодержавие, самобытность русской цивилизации, консерватизм, традиционализм, базовые ценности русской цивилизации.

В исторической литературе утвердилось мнение, что к черносотенцам относили консервативно-монархические партии крайнего толка, отстаивавшие традиционный уклад жизни, распространявшийся на социальную, политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества, включая быт россиян, и выступавшие за сохранение общественно-политических основ существующего строя — неограниченную самодержавную власть монарха и первенство православной веры. Черносотенные союзы стояли правее Партии правового порядка, признававшей необходимость народного представительства и гарантий личной свободы. Именно неприятием принципа ограничения власти царя и конституционной монархии черносотенные организации отличались от других организаций в правом стане, который делился на приверженцев «неограниченного самодержавия» и «ограниченной монархии». Подобное разделение достаточно четко зафиксировано в документах, газетах, листовках, литературе периода революции 1905—1907 годов. Стоявшие левее черносотенных организаций Партия правового порядка, «Союз 17 октября», Торгово-промышленная и Умеренно-прогрессивная партии являлись сторонниками ограниченного самодержавия.

Эталоном черносотенной организации выступал Союз русского народа (СРН), существовавший с 8 ноября 1905 г. и до Февральской революции 1917 года. В период революции 1905—1908 гг. членам СРН удавалось сохранять единство взглядов по принципиальным и основополагающим вопросам идеологии. В послереволюционное время в условиях наступившей видимой стабильности, когда прямые угрозы существованию базовым русским ценностям были локализованы, черносотенное движение временно потеряло ориентиры деятельности. В ходе анализа третьей июньской системы выяснилось, что черносотенный лагерь не был един в своих идеологических установках. После спада революции позиции части идеологов черносотенного лагеря по принципиальным вопросам стали меняться.

Черная сотня встала перед альтернативой перерождения в парламентскую политическую партию, т. е. фактически признать сложившуюся третьиюньскую систему с присущей ей Государственной Думой, многопартийностью, относительной свободой слова или трансформироваться в маргинальную структуру, занимающуюся отри-

* © Размолодин М.Л., 2011

Размолодин Максим Львович (razmolodinml@yandex.ru), УФСБ РФ по Ярославской области, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, пр. Ленина, 14.

цанием сложившегося положения вещей. В результате внутривнутрипартийной борьбы единый черносотенный лагерь раскололся на две противостоящие части. Если основатель СРН А.Н. Дубровин и его сторонники, объединившие большую часть крайне правых союзов, остались верны заложенным в основу при создании движения принципам неприятия ограничения власти царя и законодательного парламента, то обновленцы во главе с Н.Е. Марковым попытались интегрироваться в третьейиюньскую монархию, став парламентской партией.

Одной из причин, вызвавшей раскол некогда единого черносотенного лагеря, являлась противоречивость его самодержавной концепции. На начальных этапах своего становления черносотенцы отвергали либеральную трактовку народа как абсолютного источника права, делегировавшего свои властные полномочия правителю, и сохраняли верность божественному происхождению власти. Отстаивая принцип несхожести исторического пути России и Запада, идеологи черной сотни старались в своих историко-философских построениях обосновать источник верховной власти вне западоцентричных схем с их идеями о народоправстве. Но, ведя свои корни из русской философской мысли XIX века, черносотенная идеология не могла игнорировать славянофильскую концепцию «нации-суверена», видевшую в государстве союз свободного народа, объединенного нравственным законом и в качестве исконного правовладельца уступающего свою властную прерогативу царю, долженствующего управлять для блага всех. Пытаясь обойти деликатную тему, черносотенцы вынуждены были предложить оригинальную интерпретацию славянофильских идей, согласно которой наряду с Богом и народ выступал источником власти царя.

Постулируя божественную природу самодержавия, черносотенцам приходилось мириться с сильным славянофильским течением в их собственной среде, так как концепция воли нации в качестве критерия легитимности получила определенное распространение и в среде русских консерваторов. Так, Л.А. Тихомиров, утверждая тезис божественного происхождения царской власти и отвергая идею «народного избрания» царя, характеризовал царя как персонификацию народного духа и выразителя народного идеала, что, несомненно, являлось элементом модернизма (данная идея была взята у славянофила Д.А. Хомякова). Представляется, что традиционное монархическое мировоззрение (в том числе и простонародное) было далеко от представления о монархе — выразителе духа нации. Более «народным» было представление о государе-помазаннике Божьем, «боге среди людей, человеке среди богов» [1].

Таким образом, и в классическом консерватизме, не допускавшем пересмотра концепции божественного происхождения самодержавия, проявились новомодные течения, нашедшие свое отражение и в высказывании члена Главного совета СРН А.А. Майкова в брошюре «Революционеры и черносотенцы»: «Самодержавие царское установлено самим русским народом. Царская власть не происходит от завоевания, чем отличается от власти абсолютных монархов и восточных деспотов, а вручена царю русским народом, почему она и не представляет из себя господства, а занимает относительно народа служебное положение» [2, с. 23]. Крайне правые не стали резко отвергать эту идею, позволявшую им решить проблему национального характера самодержавия, т. е. как продукта русского национального творчества, посредством следующих тезисов.

Во-первых, уникальность самодержавия как формы правления, присущей только русскому народу, осмысливалась через призму русской народности. «Самодержавие создано разумом русского народа и является исконным и чисто русским способом правления» [3, с. 2]. Самодержавная монархия вытекала из национальных свойств именно русского народа и, исторически выросши на русской почве, была тесно связана с «миросозерцанием народа и всем его бытом» [4, с. 777]. По мнению черносотен-

цев, основой легитимности самодержавия выступало русское народное право, позволившее ему стать самобытной организацией русского исторического бытия, государственной формой проявления народной общности, соборности.

Во-вторых, самодержавие являлось произведением именно православного народа, неизменно сохранявшего верность православной модели властiuстроения, как органически присущей православному социуму. Можно сказать, что при имевшихся у народа за тысячу лет своей истории достаточных возможностях избавиться от монархии данная форма правления подверглась непрерывному «переизбранию». Полемизируя с политическими оппонентами, утверждавшими мысль о захвате и «оккупации» самодержавием России, черносотенцы указывали, что самодержавие было, по сути, выборной формой правления, которую православный русский народ избрал не на определенный срок, а навсегда.

В-третьих, формированию национально ориентированного самодержавия способствовали многочисленные иностранные нашествия, актуализировавшие проблему создания идеократической системы властiuстроения с функцией защиты православного социума. В частности, негативно сказавшееся на материальном развитии производительных сил и культуры монголо-татарское иго сыграло положительную роль в выработке оригинальной модели самодержавного государственного устройства: «Пробыв целые века под татарским гнетом и во время других, не менее тяжелых годин и испытаний, русский народ искал духовного утешения и опоры своим надеждам в заветах Христа и, перевоплотив их в себе, создал свою чисто русскую христианско-содружественную государственность, с патриархальной самодержавной властью во главе» [5, с. 3].

Исходя из данных рассуждений, самодержавие рассматривалось как уникальный, изобретенный православным русским народом способ правления, аналогов которому в мире нет. Иными словами, русский народ подарил человечеству духовную форму единоличной власти, отличную от восточного деспотизма и западного абсолютизма.

Таким образом, в вопросе об источнике властных прерогатив царя черносотенной идеологии отчасти был присущ дуализм, который истекал из восприятия царя, во-первых, бесспорной, высшей сигнатурой власти, значимее которой был лишь ранг Всевышнего, что соответствовало православной самодержавной концепции власти, и, во-вторых, как персонификации духа собственного народа, чья власть «независима от народной воли, но зависима от народного идеала». Дуализм был емко выражен «Русским знаменем»: «Бог и народ – вот две идеи, заключающиеся в самом бытии человека, из которой вытекает третья – царь» [6]. Годом ранее газета писала: «Для нас царь больше, чем человек, больше, чем правитель. Он одухотворенное, живое знамя России, верховный представитель народа русского. И вместе с тем он наместник Божий, священный хранитель небесной справедливости...» [7]. Формулируя свое представление о монархической власти, черносотенцы решили проблему дуализма просто: божественный источник власти царя признавался первостепенным, в то время как народный – второстепенным.

Включение народа в черносотенную властiuстроительную схему было вынужденной реакцией на все более завоевывавшие популярность западноевропейские секуляристские учения с декларируемым ими принципом «верховенства народа». Крайне правые нехотя включили народ в православно-самодержавную концепцию власти из вполне прагматичных соображений. С одной стороны, необходимо было повышать конкурентоспособность своей политической программы на рынке общественных идей, где в спорах неизбежно вставал вопрос о роли и месте народа в политическом процессе. Принятая черносотенцами славянофильская концепция о царе – «персонификаторе народного духа» – прикрывала слабое место их религиозной концепции источника

властных прерогатив царя, ставшей объектом для серьезной критики их политическими оппонентами. Мода на секуляристские концепции заставляла черную сотню «дорабатывать» свою доктрину в соответствии с требованиями времени. С другой стороны, модернистские элементы их идеологии преодолевали «абсолютистскую» оценку современного им самодержавия, согласно которой уклонившийся от начал истинного христианства народ будто бы отрекается от своей власти в пользу монарха.

Но этот путь имел и свои подводные камни. Нехотя включив народ в систему властиустройства, черносотенцы невольно смыкались как раз с теми западниками-либералами, которых так страстно критиковали. Позже обозначилась и другая опасность — возможность реформирования и даже ликвидации самодержавия. Тезис о том, что главная ценность самодержавия заключается не в его достоинствах, а в том, что оно симптом известного духовного строя народа, могли использовать оппозиционные политические силы, для того чтобы убедить царя, что «нынешний духовный строй народа не тот, что был встарь, что народ перестал видеть в царе выразителя нравственного начала — правды, а видит в нем только начальство и барина. А раз так, то самодержавие перестало быть нужным и лучше упразднить его», — предупреждала об опасности черносотенная пресса [8].

В конечном итоге противоречивость черносотенной идеологии, ставшая результатом диффузии (смешения) концепций охранителей с их идеей божественного происхождения царской власти и славянофилов с их либеральными идеями «нации-суверена», привела к расколу черносотенного движения на дубровинцев, оставшихся верными канонам, и обновленцев, принявших либеральную идею «народа-суверена», что дало им возможность признать ограниченность власти царя Государственной Думой и Манифестом 17 октября. Таким образом, в стане черной сотни появились сторонники ограниченного самодержавия, формально деклариовавшие обратное, но признавшие Госдуму как институт, налагавший пределы власти царя.

Появление обновленцев, признавших Думу как институт, ограничивающий власть царя, означал отход от принципиального для черной сотни самодержавного кредо — не ограниченной ничем земным власти царя, дрейф в сторону позиции, близкой к Всероссийскому национальному союзу (националистам) и даже к октябристам, т. е. на платформу конституционного монархизма. С другой стороны, обновленцев и дубровинцев продолжали роднить позиции по ряду важных проблем (в частности, национальной и религиозной). Но точка «невозврата» была уже пройдена именно по принципиальному положению.

Раскол прошел и по отношению к правительственному аппарату. Уровень и острота критики обновленцами бюрократии были значительно ниже, чем у дубровинцев, что, по существу, означало примирение с абсолютизмом и безнациональной бюрократией, несмотря на сохранение патриархального вектора возвращения к исконному самодержавию. Появление обновленцев являло собой пример так распространенного в партийной истории «рenegатства», когда желание получить сиюминутные политические дивиденды приводит к забвению идеологических догм. Отказ от идейного стержня неизбежно ведет движения к разложению и маргинализации. В этом отношении дубровинский СРН демонстрировал собой непоколебимую преданность идеям, заложенным в основание крайне правого движения, что дает основание рассматривать его эталоном черносотенной организации.

Библиографический список

1. Sharp K. Politics&Ideas in the early Stuarts England. New York; Oxford, 1995.
2. Майков А. А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907.
3. Русский народный союз им. Архангела Михаила. Программа и устав. СПб., 1909.
4. Предвыборное воззвание к русскому народу Русского народного союза им. Михаила Архангела // Прямой путь. СПб., 1912. Вып. V (май).
5. Русский монархический союз и расширение его деятельности по основам высочайшего рескрипта 30 января 1914 г. М., 1914.
6. Русское знамя. 1908. 31 января.
7. Русское знамя. 1907. 29 марта.
8. Русское знамя. 1909. 19 сентября.

*M.V. Razmolodin**

ABOUT THE IDEOLOGICAL REASONS OF SPLIT OF BLACK HUNDREDS

The article covers problems connected with ideological reasons of split of Black Hundreds in Russia in the beginning of the XX century. It is proved that one of the main reasons of split of Black Hundreds to the « the Revivalists» and «dubrovintsi» was caused by apparent contradiction of their autocracy conception which was shaped under the strong influence of Slavophilism.

Key words: Black Hundred, extreme right ideology, Russian Orthodox monarchy, autocracy, originality of the Russian civilization, conservatism, traditionalism, basic values of Russian civilization.

* *Razmolodin Maksim L'vovich* (razmolodinml@yandex.ru), Federal Security Service of Yaroslavl Region, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.